

ЖОРЖ ГУРВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ

Часть первая. МИКРОСОЦИОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ

Глава I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Приступая к рассмотрению микросоциологии познания, мы начнем с ответа на часто выдвигаемое возражение, которое в неявной форме мы уже отвергли во введении, а именно: возможна ли и полезна ли микросоциология познания?

Мы уже писали, что сопоставление когнитивных систем с типами глобальных структур общества представляется нам наиболее привлекательной и плодотворной задачей социологии познания. Но может ли она быть реализована без помощи микросоциологии (и социологии группировок, рассматриваемых как рамки познания)? Напомним, что вообще нам представляется так же невозможным заниматься микросоциологией, не принимая во внимание группы и глобальные общества, как и заниматься макросоциологией, пренебрегая микросоциологией. Если анализ осуществляется верно, мы должны через микросоциологию обнаруживать макросоциологию, и наоборот; аналогичным образом, отталкиваясь от социологии групп, мы с необходимостью приходим, с одной стороны, к микросоциологии, с другой – к глобальной социологии и социальным классам. Это так же верно в отношении реальных социальных рамок, как и в отношении их концептуализации в социальных типах различного масштаба. Проявления социальности, группы, социальные классы изменяют свой характер в функции глобальных обществ, в которые они интегрированы; и наоборот, последние полностью модифицируются под влиянием изменения иерархии и ориентации первых. Речь идет, следовательно, о диалектике частичного и глобального, которая приобретает характер либо дополнительности, либо взаимной причастности, либо поляризации, либо, наконец, взаимности перспектив, диалектике, характерной для всей социальной жизни (см. прим. 1).

Однако, поскольку речь идет о творениях цивилизации и, в частности, о видах и формах познания, возражение, на которое мы отвечаем, опирается на неявное и совершенно догматичное допущение: знания и коллективное мышление, которое служит для них основой, могут быть связаны только с глобальными обществами и социальными классами, исходя из того, что эти социальные рамки будто бы действуют на знание, свойственное группам и на знание, соответствующее проявлениям социальности, с такой силой, что они полностью модифицируют когнитивные тенденции указанных социальных рамок.

---

* *Продолжение.* Начало см. в Т. X. Вып. 3-4 (42-43), 5-6 (44-45). Настоящий текст представляет собой перевод первых трех частей книги известного французско-русского социолога Георгия Давидовича (Жоржа) Гурвича (1894–1965). Это последняя из более тридцати книг Гурвича, опубликованная уже после смерти автора.

Это возражение проистекает из широко распространенного предрассудка, приписывающего познанию и всем творениям цивилизации вообще гораздо большую независимость и действенность, чем они реально обладают в сложном комплексе социальной реальности. Полностью отвергая «абстрактный культурализм» (см. прим. 2) (который представляет собой лишь камуфляж спиритуализма), мы не хотим ни игнорировать, ни преувеличивать значение микросоциологии познания (так же впрочем, как и значение изучения отношений между частными группировками и знанием). Мы признаем, как уже неоднократно говорилось, что большая полезность этих исследований полностью выявится только через сопоставление *систем познания с глобальными обществами* – этими макрокосмами классов, групп и проявлений социальности.

Напомним теперь наши определения микросоциальных рамок, которые мы будем сопоставлять с видами и формами познания.

Проявления социальности представляют собой многочисленные способы связи в целом или посредством целого. Они выступают на различных уровнях действительности и возможности, чтобы бороться между собой, дополнять друг друга или комбинироваться в каждой реальной коллективной единице. Это тотальные социальные феномены, но подвижные и нестабильные, чаще всего спонтанные, даже аструктурные; они, однако, используются реальными макросоциологическими коллективными единицами в процессе их структуриации.

В наших предыдущих работах мы неоднократно подчеркивали различие между «социальностью через частичное слияние» и «социальностью через частичную оппозицию»; одна проявляется в участии в «Мы», другая – в отношениях с Другими, причем эти Другие могут быть как межличностными (Я, Ты, Он), так и межгрупповыми.

Для достижения нашей цели достаточно остановиться на социальности через частичное участие в «Мы» и классифицировать ее аспекты по степени интенсивности [такого участия]. Дело в том, что с точки зрения творений цивилизации вообще и познания в частности, «Мы» представляют собой бесконечно более богатые социальные рамки, чем «отношения с другим». Действительно, слияние с «Мы» есть не только осознание его [т.е. «Мы»] относительного единства, но также осознание целого мира значений, иначе недостижимых, тогда как «отношения с другим», даже самые тесные, сводятся с этой точки зрения к преимущественно узким горизонтам «партнеров» и в остальном ограничиваются главным образом воспроизведением коллективных суждений, идей, символов, знаков, которые имеют своим источником «Мы», группу, класс, глобальное общество.

Три степени интенсивности «Мы» – это Масса, Сообщество (Communaute) и Община (Communión) (см. прим. 3). *Масса* составляет минимальную степень участия в «Мы»; целое оказывает на участников наиболее сильное давление и наиболее слабое притяжение. Его объем допускает в этом случае возможность квазибесконечного увеличения. Под сообществом следует понимать среднюю степень интенсивности участия в «Мы», сопровождаемой средним давлением и средним притяжением, оказываемыми целым на участников; объем целого в данном случае допускает лишь ограниченное увеличение. Наконец, в общине следует видеть максимальную степень интенсивности участия в «Мы»; она сопровождается наиболее слабым давлением и наиболее сильным притяжением, оказываемыми целым на участников; его объем имеет тенденцию к уменьшению, поддерживая силу и глубину слияния.

Глава II. МАССЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ

В качестве социальных рамок познания массы выступают наиболее явно главным образом тогда, когда они актуализируются в социальных классах и глобальных обществах или, по крайней мере, в широкомасштабных группах, таких как государство, церковь, политические партии, профсоюзы. В гораздо меньшей мере массы уловимы, когда они актуализируются в семьях, локальных группах, на заводах и т.д.

В корреляции с массами выступают прежде всего, с одной стороны, перцептивное познание внешнего мира, с другой стороны – политическое познание. Научное познание и техническое познание могут иногда в них обнаруживаться, но на довольно низком уровне популяризации и распространения. Что касается других видов познания, то они находятся в явно неблагоприятных условиях, в особенности философское познание, но также познание Другого и «Мы» и даже познание здравого смысла. Если их присутствие иногда наблюдается в массах, то преимущественно через посредство политического познания, в той мере, в какой оно управляется с помощью лозунгов, утопий и мифов.

Начнем с перцептивного познания внешнего мира. Для пассивных масс (см. прим. 4) познанный внешний мир располагается в аутических и эгоцентрических пространствах, часто диффузных, иногда ограниченных действительностью моделей, распространенных в социальных рамках, в которые массы интегрированы. Так, масса безработных помещает внешний мир в пространства, связанные с самыми насущными потребностями: поиском работы, пособий, угрозой голода. Масса людей, разговаривающих и читающих на одном и том же языке вне национальных границ, делит внешний мир согласно действительности моделей языка, который является их собственным. Кроме того, мир, который познают пассивные массы, располагается в диффузном и аритмичном времени нерегулярных пульсаций, неподвижных колебаний, но стремящегося главным образом ко времени большой длительности или «отстающему от самого себя», или же, что происходит реже, ко времени «танцующему на месте», то есть циклическому. Пространство безусловно господствует над временем, которое здесь еще едва ощущается.

Положение существенно меняется, когда массы становятся активными. Их познание мира в этом случае испытывает сильное влияние их действия, нетерпения и инициатив. Так обстоит дело с недовольными массами, революционными массами или же с массами, находящимися в состоянии экстаза. Время, и особенно будущее, а также прерывность следования, начинают тогда превалировать над пространствами, в которые помещается внешний мир. В этом познании активных масс «время, опережающее само себя», может доминировать, что ведет к разделению внешнего мира на враждебные или дружественные зоны, благоприятные или неблагоприятные для этого времени.

Что касается форм знания, то познание внешнего мира массами способствует символической, спекулятивной и коллективной формам. Когда массы становятся активными, концептуальная форма знания опережает эмпирическую форму.

Рассмотрим теперь политическое познание масс; все, что только что было сказано, в нем подтверждается. Будучи неявным в пассивных массах, это познание становится явным как только начинают действовать активные массы.

Первые проявляют его почти всегда только негативно, то есть через индифферентность и, как ни парадоксально это может показаться, даже через воздержание в

определенных конъюнктурах и в ожидании более подходящего момента. Это воздержание пассивных масс тогда является только кажущимся. Оно продиктовано тактическим, участвующим, ангажированным познанием, хотя и часто полуосознанным или, в лучшем случае, подразумеваемым.

В активных массах политическое познание принимает концептуальную форму. С одной стороны, концептуализированы политические символы, сформулированные как мифы, зовущие к действию, с другой стороны, концептуализированы средства наиболее эффективного и быстрого достижения целей, содержащихся в символах и мифах. Эта двойная концептуализация составляет то, что называют либо «программой» политической партии, либо ее «заявлениями» или же «резюмированием». Концептуализированное таким образом, это познание в меньшей мере является продуктом масс, чем макросоциальных рамок (партий и социальных классов), в которых оно актуализируется. Однако успех или неудача программ есть чаще всего функция их соответствия или расхождения не только с действием, но также с прямым политическим познанием масс.

Отметим, наконец, последнюю черту активных масс как социальных рамок политического знания: их тенденцию делать этот вид знания доминирующим над всеми другими видами. Именно таким образом познание Другого и «Мы» трансформируется в распознавание противников и союзников, а перцептивное познание внешнего мира само по себе превращается в изучение лагерей, противостоящих друг другу. Познание здравого смысла, техническое познание и научное познание также оказываются политизированными, когда они опираются на активные массы как на системы координат. Однако не следует забывать, что эта тенденция масс может быть радикально изменена группами, классами и обществами, что массы в них интегрируются или актуализируются. Эта тенденция может также быть уравновешена другими проявлениями «Мы»: сообществами и общинами.

Глава III. СООБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ

Сообщества отличаются как от масс, так и от общин в том отношении, что они особенно благоприятствуют познанию. Может быть, по этой причине некоторые социологи и среди них французские персоналисты, вслед за Эмманюэлем Мунье считали возможным приписывать сообществам большую ценность, чем массам и общинам. Но очевидно, что критерий познания не является единственным, и невозможно установить абстрактную и априорную иерархию между массой, сообществом и общиной. Все зависит как от макросоциологических структур, в которых сообщества актуализируются, так и от их когнитивных (видов и форм познания), моральных, эстетических и прочих содержаний.

Сообщества суть наиболее уравновешенные проявления социальности и по этой причине — наиболее длительные; они чаще всего актуализируются внутри групп, классов и глобальных обществ. Вот почему, если отвлечься от остальных условий, они имеют тенденцию способствовать главным образом регулярным способам поведения и более или менее предустановленному и стереотипизированному функционированию моделей, сигналов и символов. Это в большинстве случаев создает вокруг сообществ своего рода кольцо рациональности и ориентацию, благоприятную для всех видов познания, за исключением, может быть, философского познания. Последнее, когда оно обретает характер философской школы или течения, находит гораздо лучшие ус-

ловия в общине, чем в сообществе. Иначе обстоит дело с другими видами познания, в частности, с перцептивным познанием внешнего мира, познанием Другого, познанием здравого смысла, политическим и техническим познанием. Но только в науке рождаются группы ученых и исследователей, непосредственно вышедшие из сообществ.

Хотя сообщества представляют собой наиболее длительные микросоциальные явления и актуализируются, по крайней мере, в принципе, чаще всего, они, даже тогда, когда они выступают как активные (что происходит далеко не всегда), не могут отождествляться с группами (см. прим. 5), то есть частичными макросоциологическими коллективными единицами, отношения которых со знанием мы рассмотрим во второй части этой книги. В действительности, сообщества, как и все проявления социальности, остаются спонтанными и колеблющимися, несмотря на их тенденцию к равновесию. Вот почему в качестве сообществ они не структурируемы и могут лишь способствовать структуриации групп, в которых им удастся доминировать над массой и общиной. Вот почему также не может возникать вопрос об обнаружении *когнитивных систем*, соответствующих сообществам. Речь идет только об указании на виды познания, выявляемых в сообществах, причем эти виды не выстраиваются в строгую и относительно стабильную иерархию.

Что касается *перцептивно познания внешнего мира*, то сообщества гораздо более экстравертны, чем другие «Мы». В этом познании *перспективные пространства* в сочетании с *прожективными пространствами* выступают более отчетливо, тогда как аутические и эгоцентрические пространства отступают на задний план. Кроме того, пространства легко расширяются и сжимаются, теряя свой концентрический характер. Внешний мир помещается преимущественно в непрерывное время, в котором настоящее, прошлое и будущее, опережение и запаздывание, имеют тенденцию к взаимному равновесию. Вот почему *познание внешнего мира, средоточием которого являются сообщества, время и пространство поддаются концептуализациям, использованию измерений, квантификации*, причем все эти элементы проистекают либо из групп большого масштаба (церкви, государства), либо из глобальных обществ, в которые сообщества интегрированы и в которых они усиливают эту тенденцию. Таким образом, мы можем констатировать, что в обществах, в которых доминировали сообщества: античных городах-государствах, вольных городах средневековья, обществах Возрождения, обществах, соответствующих конкурентному капитализму, — перцептивное познание внешнего мира находилось в благоприятных условиях и обрело рациональную, преимущественно адекватную форму, уравновешивающую спекулятивное и позитивное.

Познание Другого также занимает привилегированное место в сообществах. Следует уточнить, что понимается под Другим в группах и глобальных обществах, в которых сообщества актуализируются. К примеру, в античных государствах Другой — это согражданин, а не «метэк» (см. прим. 6) и тем более не раб. До настоящего времени познание Другого играло значительную роль только в обществах феодального и патриархального типа. Другие типы глобальных обществ в действительности всегда препятствовали тенденции сообществ к стимулированию этого вида познания. Несомненно, совершенно иначе будет обстоять дело в обществе децентрализованного коллективизма, основанного на рабочем самоуправлении.

В то же время сообщества как таковые в принципе стимулируют познание посредством *здравого смысла*, так как они способствуют функционированию моделей

и правил и придают им рациональную окраску. Именно сообщества, поскольку они поддерживаются в семьях, в локальных группировках небольшого масштаба и т.д., дают возможность выжить познанию здравого смысла в нашем обществе, преимущественно враждебном этому виду познания. Последнее еще раз показывает, насколько «Мы» в качестве сообществ плохо сопротивляются глобальным или частичным структурам, в которых они актуализируются.

Когда сообщества преобладают в группе, классе или глобальном обществе, они в известной мере рационализируют политическое познание. Они освобождают его от чрезмерного символизма, мифологий и утопий. Под влиянием сообществ оно стремится стать более позитивным, чем спекулятивным. Мы видели, что массы оказывают противоположное воздействие на этот вид познания и увидим далее, что так же обстоит дело с общинами.

В качестве *рамок технического познания* сообщества, благоприятствующие функционированию моделей и стереотипов, способствуют поддержанию на определенном уровне уже достигнутых технических знаний; с другой стороны, когда они рождаются из труда в коллективе (на заводе, в офисе, лаборатории и т.д.), сообщества могут внести вклад в совершенствование или даже открытие новых технических знаний. Это происходит довольно часто, в частности, в начале индустриализации. Но на современном этапе индустриального общества новаторская роль сообществ трудящихся стала незначительной вследствие чрезвычайной сложности техники.

Глава IV. ОБЩИНЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ

Общины, за некоторыми исключениями, гораздо менее благоприятствуют знанию, чем сообщества и иногда даже массы. Независимо от того, активны они или пассивны, они имеют тенденцию замыкаться в себе, закрываться в собственном мире, в чем-то вроде коллективного солипсизма. Характеризуя, таким образом общины, мы не имеем в виду их мистический характер, который отнюдь не обязательно им присущ, поскольку общины могут быть рациональными (как, например, у философов или приверженцев какой-либо политической доктрины) или же базироваться на социально-политическом действии. Мы хотим подчеркнуть лишь тенденцию общин различного рода к замкнутости и ограниченности; действительно, община не обладает никаким средством борьбы против угрозы разрыва между ее интенсивностью и экстенсивностью, кроме как пожертвовать последней в пользу отделения и замкнутости.

Из различных *видов познания общины обычно благоприятствуют только познанию самих себя (то есть «Мы», которое они составляют), политическому познанию и космо-теогоническому познанию; они допускают перцептивное познание внешнего мира, но деформируют его.* Другие виды познания почти не обнаруживаются в общинах, кроме некоторых совершенно исключительных случаев, например, община исследователей во время значительного научного открытия или община, рожденная философским открытием всемирного значения.

Познание «Мы» в общинах является эготическим в двойном смысле. Те, кто остается вне общины, идет ли речь о других «Мы» или об индивидах, не участвующих в данной общине, игнорируются, либо даже презируются. При этом община заставляет испытывать этих людей, строптивых или индифферентных, тех, кого она не привлекает, не минимум давления, как на своих членов, а максимум.

В то же время общины имеют тенденцию двигаться во времени, опережающем само себя, подталкиваемом времени. Но поскольку они замкнуты в себе, их «экстаз в отношении будущего» легко превращается в циклическое движение, в нечто вроде танца на одном месте, где продвижение вперед не открывает никакого выхода. Требуются исключительные конъюнктуры, такие как массовые забастовки, победоносные революции или начало великих религиозных движений, чтобы вырвать общины из их изоляции.

Политическое познание, которому благоприятствуют общины, относится не столько к тактике, сколько к идеалу; оно характеризуется сильной акцентуацией символической формы, усиленной преобладанием либо мифа, либо утопии, либо сочетанием обоих.

В архаических обществах, вероятно, именно общины служили очагами мистического опыта, рационализированного в космо-теогонических мифах. Но в исторических обществах трудно установить связи между общинами верующих и догматическими учениями, разработанными теологами (см. прим. 7).

Что касается перцептивного познания внешнего мира, наблюдаемого в общинах, то следует отметить, что пространство, в котором этот мир помещается, смешивается для них с их членами и обрядами, моделями, знаками, символами, которые они сообща используют. Речь идет, следовательно, главным образом, о пространстве аутическом, эгоцентрическом и концентрическом. Время, присущее общинам, о котором мы уже говорили, это то самое время, в котором они располагают внешним мир; это, при кажущейся стремительности, циклическое время вечного возвращения.

Эти короткие размышления о некоторых аспектах микросоциологии познания могут показаться довольно схематичными и потому несколько разочаровывающими. Не следует, однако, забывать, что, с одной стороны, речь идет об еще неизведанной области, с другой – что эта микросоциология больше конкретизируется, когда мы будем соотноситься о макросоциальными рамками познания: частными группировками, классами и особенно глобальными обществами. Именно там прежде всего она найдет свидетельства своей обоснованности и эффективности.

Часть вторая. ЧАСТНЫЕ ГРУППИРОВКИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ

Глава I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Теперь мы ставим своей задачей рассмотреть первые проявления макросоциальных рамок: *частные группировки как источники познания*.

Для того, чтобы была возможность говорить о *группе*, нужно, чтобы в частичной социальной рамке центростремительные силы преобладали в определенной мере над центробежными; нужно также, чтобы конвергирующие «Мы» доминировали над дивергирующими «Мы». Единство группы, следовательно, несводимо к множеству проявлений социальности. *По крайней мере, в возможности всякая частная группировка* есть уже микрокосм проявлений социальности, подобно тому как классы и глобальные общества в свою очередь представляют собой макрокосмы групп.

В предыдущих работах мы так определяли частные группировки: «Группа есть реальная, но частичная коллективная единица, непосредственно наблюдаемая, основанная на активных преемственных коллективных установках, имеющая задачей осуществление общей деятельности, обладающая единством установок, продуктов дея-

тельности и поведений, которая составляет структурируемую социальную рамку, стремящуюся к относительной сплоченности проявлений социабельности» (см. прим. 8).

Мы остановимся на одной из этих характеристик, а именно, — как «структурируемой, если не структурированной рамки». Структура всегда есть временное равновесие многочисленных иерархий. Структурируемый характер группы проистекает прежде всего из того факта, что ее единство реализуется посредством установления определенной связи между проявлениями социабельности, с одной стороны, и коллективными установками, действиями, актами, общими занятиями и их выражениями в более или менее регулярных коллективных поведениях, с другой стороны. Он проистекает также в большой мере из начального равновесия множественной иерархии глубинных уровней, социальных регламентаций, темпоральностей, особенностями умонастроений и т.д. Наконец, структурируемый характер группы проистекает также из того факта, что ее интеграция в социальном классе или глобальном обществе проявляется через установление отношений с другими группами, а также из роли и места, которое она занимает в частной иерархии группировок, характеризующих данное глобальное общество.

Короче, термин «структурируемый» применительно к группам указывает, с одной стороны, на их тенденцию к возможному упорядочению многочисленных иерархий, с другой — на их тенденцию к выявлению места, роли и отношений группы «вне ее самой». Если эта тенденция получает завершение, и если эти временные равновесия реализуются, группа структурирована, что не означает еще, однако, что она организована. Так, пожилые люди, группы молодежи, некоторые профессии сегодня представляют собой структурированные группы, но обычно неорганизованные, хотя они и могут иногда частично выражаться в различных организациях. Напротив, разнообразные публики, этнические меньшинства, возрастные группы (за исключением тех, которые мы упомянули) более широкого «поколения» — это группы структурируемые, но редко структурированные.

Очевидно, что всякая организованная группа является в то же время структурированной. Однако группа может быть не только структурируемой, но также и структурированной, не будучи при этом организованной или в принципе выразимой в одной-единственной организации (наиболее характерный пример — социальные классы, эти сверхгруппы). Точно так же организация, когда она входит в равновесие структуры, составляет в ней не более, чем элемент, причем не необходимый.

Структурированные группы, очевидно, дают более точные и легко применимые системы координат в изучении видов и форм познания, чем неструктурированные группы. Действительно, в первых познание, подобно другим творениям цивилизации, действует как элемент, цементирующий структуру.

Мы будем поэтому преимущественно иметь дело со структурированными группами. Общая схема классификации групп, которую мы предложили в наших предыдущих работах, включала пятнадцать критериев (см. прим. 9), часто перекрещивающихся между собой. Мы остановимся только на группах, выделяемых: 1) по способу вступления в них; 2) по их функциям; 3) наконец, среди последних, [рассмотреть] блоки многофункциональных группировок, таких как государства и церкви, которые часто претендуют на то, чтобы быть «сверхфункциональными», то есть воплощать глобальное общество, в чем они всегда ошибаются...

Для каждого из этих трех случаев мы ограничимся в последующем изложении несколькими примерами.

Глава II. ГРУППИРОВКИ, ВЫДЕЛЯЕМЫЕ ПО СПОСОБУ ВСТУПЛЕНИЯ, И ЗНАНИЕ

По критерию способа вступления в группировку, можно выделить: а) открытые группировки; б) группировки с условным вступлением; в) закрытые группировки. Среди открытых группировок, наряду с фактическими, такими как различные публические, возрастные группировки и т.д., следует назвать толпы, демонстрации, собрания, спасательные, некоторые филантропические группировки и т.д. Очевидно, что открытые группировки не представляют собой, как правило, специфические очаги познания, за исключением, однако, групп молодежи и стариков, поскольку они составляют реальные коллективные единицы. Так, группа старых людей в некоторых типах глобальных социальных структур может сделать свою когнитивную систему господствующей над всяким другим знанием в соответствующих обществах. Эта группа тогда рассматривается как группа «мудрецов» – единственных носителей как эзотерического знания, так и знания, предназначенного для распространения. Так происходит в патриархальных обществах или просто в традиционных обществах. Самое любопытное здесь состоит в том, что «открытые группировки» стариков незаметно превращаются в закрытые группировки.

С этой точки зрения, закрытые группировки легче поддаются изучению в качестве социальных рамок познания. Закрытые группировки были широко распространены в типах общества, отличных от нашего; сегодня они представляют собой почти только исключения, например, некоторые тресты и картели, знаменитые довоенные «двести семейств», группы дворянства или крупной буржуазии, которые рекрутируются только по происхождению или вследствие получения наследства. Речь здесь также идет о социальных рамках, мало благоприятных для глубокого познания.

Поскольку когнитивные системы здесь возникают, они сводятся к некоторым разновидностям политического и технического познания и познания посредством здравого смысла, различным образом скомбинированных в соответствии с характером закрытых групп и конъюнктур, в которых они оказываются. Это знание варьируется, кроме того, в соответствии с типами глобального общества, в которые закрытые группы интегрированы. Но идет ли речь о касте священников, группе феодалов, дворянстве шпаги или дворянстве мантии, слое крупной буржуазии, национальных или международных трестах или картелях, их специфическое знание, противостоящее знанию глобального общества, скудно и обнаруживает тенденцию к герметичности и эзотеричности тогда, когда рациональная форма полностью одерживает верх и ведет к усовершенствованному исчислению сложных финансовых балансов.

Среди группировок, выделяемых по способу вступления, наиболее многообещающую перспективу для социологии познания составляют группы с условным, даже трудным вступлением. Назовем в качестве примера привилегированные профессиональные группы, которые требуют от своих членов титулов, часто достигаемых через конкурсы (агрегация для профессуры; лицензия в [области] права, для адвокатуры и муниципальных чиновников; дипломы, выдаваемые Школой политических наук (Ecole des Sciences Politiques) или Национальной административной школой (Ecole Nationale d'Administration) для дипломатической или административной карьеры высшего уровня). Некоторые из этих профессиональных групп подчинены организованному контролю. Так, сословия медиков или адвокатов имеют право запрещать своим членам, которых сочли недостойными, заниматься своей профессией.

Так же обстоит дело с карьерой профессоров факультетов и технических высших учебных заведений (включая Политехническую школу, Горную школу, Школу мостов и дорог и т.д.). В принципе высшие учебные заведения рекрутируют своих членов через кооптацию, в сочетании с дипломами или без них, и избрание по конкурсу [докторская степень с отметкой «достойный» (*mention «honorable»*)], свидетельство о профессиональной подготовке на филологических факультетах, агрегация с двумя докторскими степенями на юридических факультетах и т.д. Однако существуют учебные заведения, основанные исключительно на кооптации, например, Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований и т.д.

Остановимся на факультетах (филологическом, права, медицины т.д.) и других аналогичных учреждениях. Согласно их специализациям и кафедрам, все эти учреждения являются источниками философских, технических или научных знаний. Они ставят своей целью развивать их, преподавать, распространять. Другие виды познания занимают в них меньшее место. Тем не менее, некоторые из этих видов играют определенную роль в функционировании данных учреждений, в частности, «политическое познание» в качестве «административного знания», познание посредством здравого смысла и даже в некоторых случаях познание Другого и «Мы». В этой когнитивной системе перцептивное познание оказывается на последнем месте, так как оно здесь очень ограничено.

Но прежде чем продолжить этот анализ вторжения в университеты и другие аналогичные учреждения тех видов познания, которые не являются в них предметом исследования и преподавания, следует отметить, что все университетские научные, технические и философские знания характеризуются акцентуацией одних и тех же форм познания. Концептуальная, символическая, позитивная, коллективная и рациональная формы здесь господствуют, хотя воспринимаемое и преподаваемое в университетах знание остается частично эзотерическим, герметичным и традиционным, если не окостеневшим.

Социология познания обнаруживает здесь парадоксальную ситуацию. Действительно, это группы, призванные развивать столь важные виды знания, но которые без всякого обдуманного намерения, просто своим функционированием часто тормозят его развитие, задерживают или ограничивают его распространение. Этот недостаток университетского образования в определенной мере, однако, компенсируется духом соревнования между университетами, факультетами, различными интеллектуальными течениями. Тем не менее, всякое новшество вводится медленно и реализуется лишь с большими предосторожностями.

Рассматривая теперь другие виды познания, которые вторгаются во внутреннюю жизнь высших учебных заведений и их функционирование: стратегическое (или политическое) познание и познание посредством здравого смысла, мы без удивления констатируем, что они редко соответствуют уровню преподаваемых знаний. Этот явно парадоксальный феномен можно, однако, объяснить; действительно, профессора, обладающие заслуженной репутацией наиболее видных ученых, не обязательно являются теми, чей авторитет имеет значение в советах факультетов и других аналогичных институтов, когда речь идет о решении административных вопросов, требующих качеств и *знаний совсем иного рода*. Наконец, познание Другого и «Мы» (то есть, коллег и студентов) актуализируется в университете только в том случае, если сообществу там удастся занять ведущее место по отношению к массе и общине;

это предполагает, существование, среди прочих, малых университетов, которые сегодня все более и более редки.

Перейдем теперь от более или менее ограниченных группировок, выделяемых по способу вступления, к *группировкам, выделяемым по их функциям*, в качестве социальных рамок знания.

Здесь снова мы ограничимся тремя примерами: *семьей* (гл. III), *локальными группами малого масштаба* (гл. IV), наконец, *заводами* (гл. V). Во всех трех случаях речь идет о многофункциональных группировках, значение которых в отношении знания, тем не менее, несравненно меньше, чем значение государств (блоков локальных групп) и церквей, которым мы посвятим следующие главы (гл. VI и VII).

Глава III. СЕМЬИ И ЗНАНИЕ (см. прим. 10)

Семья в качестве группы несомненно изменяет свой характер в соответствии с типом глобального общества, в котором она интегрирована и в соответствии с классом, к которому она принадлежит. Для того, чтобы прийти к некоторым точным данным относительно семьи как источника познания, нужно, следовательно, отправляться от ее наиболее конкретных проявлений.

Рассмотрим современную французскую семью, где жена находится дома и воспитывает несколько детей. Если в семье господствует согласие, то над всеми видами познания господствует познание Другого и «Мы»: познание между мужем и женой, между родителями и детьми, познание между детьми. Но как только возникают недоразумения и конфликты, какими бы они ни были по сути, члены семьи перестают понимать друг друга. Они разделяются тогда на конфликтующие лагеря: родители против детей или один из родителей в союзе с одним из детей против других. Подобная ситуация, очевидно, препятствует познанию Другого. Таким образом, оказывается, что некоторые дети остаются непонятыми и непризнанными в своей собственной семье. Это, впрочем, может происходить и между родителями.

Другой вид познания, который играет определенную роль в семье, поскольку она функционирует нормально, — это познание посредством здравого смысла: родители призваны передавать его детям и использовать его сами с целью беспрепятственного функционирования семьи. Но при современных условиях жизни этот вид познания проявляется все более и более ограниченным образом в глобальных обществах и социальных классах; отсюда противоположные влияния на «умение жить» в семье могут оказываться извне на родителей (места работы, участие в профсоюзах и т.д.) и на детей (учебные заведения и товарищи, с которыми они там общаются). Только семьи некоторых слоев (средние классы, с одной стороны, крестьяне — с другой) продолжают культивировать этот вид познания.

Нельзя отрицать, что функционирование семьи предполагает политическое познание, если понимать под ним в отношении родителей познание стратегии воспитания и образования их детей и, наоборот, в отношении детей — познание средств достижения от родителей максимума свободы.

Напротив, если взять политическое познание в его самом широком и привычном смысле, который предполагает принятие чисто политической позиции и познание стратегических правил в отношении глобального общества, то сомнительно, чтобы оно занимало в семье столь же важное место, как когда-то, когда она была подчинена далекой и, так сказать, непрерывной традиции. Не вызывает сомнения,

что это было следствием очень низкой мобильности классового положения семей. Известно, что сегодня, с одной стороны, мобильность стала большей, а с другой стороны, на одинаковом политическом уровне преемственность политического сознания в широком смысле термина часто прерывается. Уже в конце XIX и в начале XX вв. в Великобритании нередко дети наиболее знатных консервативных семей переходили в лейбористскую партию и иногда становились ее лидерами. Точно так же во Франции дети из добропорядочных буржуазных семей становились воинствующими социалистами и антиклерикалами, и наоборот, выходцы из социалистических семей вступали в Аксьон франсез (см. прим. 11). Мы наблюдаем, следовательно, прогрессирующее уменьшение влияния семьи на политическое познание (в широком смысле) ее членов и потомков; однако этот процесс, особенно усилившийся в XX в., остался, несмотря на все сказанное, ограниченным.

Можно, наконец, констатировать растущее значение некоторых *технических знаний* в функционировании семьи, впрочем, на рудиментарном уровне. Так, обращение с домашними приборами и устройствами с мотором требует минимума информации.

Другие виды знания, в частности, научное познание и философское познание, очевидно, не стимулируются семейными социальными рамками. Что касается перцептивного познания внешнего мира, то оно имеет место при некоторых соображениях практического порядка, связанных с местоположением и особенно с площадью и благоустройством жилища, а также с расстоянием до места работы. Это познание, следовательно, прежде всего эгоцентрично.

Наиболее значимые виды познания в сегодняшних семьях акцентируют главным образом эмпирические и позитивные формы, тогда как другие формы являются промежуточными между символическим и адекватным и допускают различные комбинации между коллективным и индивидуальным, мистическим и рациональным.

Подводя итог, следует сказать, что в качестве источника познания семья не обнаруживает большого изобилия, поэтому она не представляет большого интереса для социологического исследования знания. Это проистекает из того факта, что данная группа, по крайней мере, сегодня, оказывается обычно слишком подчиненной когнитивному влиянию классов и глобальных обществ, в которых она интегрирована.

Глава IV. ГРУППИРОВКИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ИХ ЗНАНИЕ

Положение несколько меняется в «группировках жителей малых поселений» (поселки, деревни и т.д.). Их задачи не только всегда многофункциональны, но и поддаются точному описанию. Действительно, обеспечить, например, регулирование и политику добрососедства, различные виды экономической и административной деятельности, упорядочивать отношения с другими локальными группировками того же рода и т.д. — все это задачи, поддающиеся очевидной дифференциации. В то же время эти группировки имеют тенденцию способствовать актуализации внутри себя сообществ за счет масс и общин. Отсюда отчасти проистекает уже упомянутая ошибка большинства американских социологов, которые смешивают локальные группировки небольшого масштаба с сообществами, тогда как эти группировки в некоторые исторические моменты и в соответствии с определенными конъюнктурами (войны, революции, освободительные движения и т.д.) не могут противостоять возникновению общин или же растворению сообщества в массе. Следовательно

но, будет ошибочно прямо применять к локальным группировкам наши выводы, касающиеся сообществ, например, относительно их открытости в отношении перцептивного познания внешнего мира. Здесь вторгается множество других факторов, начиная со структуры и организации этих групп.

Тем не менее, если отвлечься от влияния социальных классов и глобальных обществ, то можно увидеть, что группировки жителей малых поселений являются источниками *специфического перцептивного познания внешнего мира*. Пространства, в которые этот мир помещен, — это прежде всего эгоцентрические и концентрические: пространства садов, огородов, полей, лесов, дорог и средств сообщения с соседними селениями и городками, где происходит торговля. Внешний мир имеет тенденцию к раскрытию, но в то же время он может иногда перемешаться в диффузные пространства, когда речь идет об отношениях с большими городами, с государством и его столицей (где находятся центры административной и политической организации).

Время, в котором движется внешний мир и которое познают группировки жителей малых поселений, — это прежде всего сезонное время (и тем самым циклическое) и длительное время, сочетающиеся между собой. Следует, однако, признать, что локальные группы применяют к этим временам и пространствам, которые им присущи и которые они познают в первую очередь, концептуализации и меры, идущие от государств и церквей, или же, шире, от глобальных обществ, в которых они интегрированы. Тогда они вынуждены отказываться от своих конкретных и специфических пространств и времен, к которым они, однако, остаются привязанными.

Эти локальные группы малого объема являются также источниками *познания посредством здравого смысла*, приспособленного к их образу жизни и существования. В водовороте современной жизни, где познание посредством здравого смысла уменьшается, если не исчезает, оно часто находит свое последнее убежище именно в этих группах, так как семьи постепенно перестают играть эту роль.

Можно было бы предположить, что маленькие поселки и деревушки, где имеются очень тесные соседские отношения, являются источниками углубленного познания Другого и «Мы». Однако недавние опросы опровергают эту гипотезу. Другие представляются подобными познающему их субъекту; знание, которое он имеет о них, базируется на их сходстве с ним и их соответствии стереотипам, проистекающим чаще всего из глобального общества (см. прим. 12). Очевидно, довольно трудно судить, имеет ли здесь место разрушение интеллектуальной и моральной близости в поселках и деревнях (где, наряду с другими факторами, телевидение и радио могут иметь влияние), или же отношения простого соседства, характерное для этих групп, в очень незначительной мере способствует познанию Другого.

Поселки и деревни функционируют также как источники *технического познания*. Речь здесь идет главным образом об адаптации технического познания, связанного с сельским хозяйством, к специфическим нуждам этих поселений. Введение удобрений и, конечно, тракторов, использование которых широко распространяется, обязано влиянию глобального общества.

Политическое познание, идет ли речь о тактике поддержания хороших отношений с соседями или же об участии в политической жизни страны (от муниципальных выборов до выборов законодательных органов), легко обнаружить в локальных группах; это может служить точкой отсчета для того, что было названо «электоральной географией», которая часто толкуется слишком узко.

Нет нужды доказывать тот факт, что локальные группы малого объема не являются источниками ни научного, ни философского познания.

Что касается форм, которые актуализируются в видах познания, порождаемых сельскими группами, то мы видим господство рационального, эмпирического и позитивного; актуализация этих форм сближает данные группы с семьями, но усиление символического и коллективного начал отличает их от последних.

Глава V. ЗАВОДЫ И ЗНАНИЕ

Мы лишь кратко остановимся на *заводах и цехах* (иногда завод состоит из множества цехов) в качестве *социальных рамок познания* (см. прим. 13). Мы рассмотрим их только в одном аспекте, а именно, в аспекте групп рабочих, квалифицированных или неквалифицированных, обслуживающих автоматизированную или неавтоматизированную технику, наконец, бригады, работающие на конвейере или совместно занимающиеся одной и той же деятельностью.

В этих группах *техническое познание*, каким бы низким ни был его уровень, приспособлено к труду, связанному с машинами, а также к усилиям, направленным на то, чтобы избежать несчастного случая на работе и преодолеть любое препятствие для сотрудничества товарищей по бригаде. Этот вид познания имеет здесь тенденцию к преобладанию.

Непосредственно за ним следует *политическое познание*, понимаемое, во-первых, как тактика приспособления к настроению товарищей по бригаде, мастеров или инженеров. В этом аспекте оно сближается с разновидностью *познания посредством здравого смысла*, причем не в связи с традицией, а в связи со специфической средой завода. Это партикуляризованное политическое познание может иногда входить в конфликт с политическим познанием на пролетарском и национальном уровне, а отсюда — с позициями профсоюзов и органами рабочего представительства. Однако в эти два аспекта «политического познания» вторгается третий: способ выражения недовольства, усталости и спонтанной оппозиции авторитарному режиму на заводах. Эта разновидность политического познания способствует примирению и сочетанию двух других.

Перцептивное познание внешнего мира здесь также имеет свою специфику. Оно касается внешнего мира, свойственного цеху, заводу, наконец, целой фирме. Его объекты — это рабочие помещения, машины, помещения для дирекции и инженеров, столь близкие и в то же время столь удаленные от рабочих; конкретные пространства и специфические времена, в которых протекают усилия и жизнь работающих или нет на конвейере; наконец, расстояние, которое нужно преодолеть рабочим, чтобы дойти до начала и станков; время, затрачиваемое от дома до места работы.

Расположение пространств и квантификация времени, заимствуемые из соответствующего глобального общества, особенно интенсивны в этом последнем аспекте перцептивного познания внешнего мира, присущем группам рабочих, которые трудятся на заводе.

В этой когнитивной системе *познание Другого и «Мы»* возникает лишь в последнюю очередь, вследствие порабощения трудящихся машинами, технической администрацией и, наконец, директорами заводов. Это главным образом познание поведения товарищей по работе, иногда — их поведения по отношению к профсоюзу (или профсоюзам, если их имеется несколько) или же поведения во время забастовки.

Очевидно, что при режиме рабочего самоуправления и децентрализованного коллективизма это познание Другого через личность товарищей, занимающихся одним и тем же делом, сможет приобрести очень большое значение. При режиме организованного капитализма это значение весьма относительно.

В видах познания, источником которого является завод, преимущественно акцентируются адекватная, рациональная, эмпирическая, позитивная и коллективная формы. Исключение составляет только политическое познание на уровне спонтанной оппозиции авторитарному управлению предприятием, а также на профсоюзном и пролетарском уровне борьбы против глобальной структуры общества при капиталистическом строе на любой его фазе. Формы, свойственные этому политическому познанию, характеризуются относительно существенной акцентуацией спекулятивного, символического, даже мифологического; в то же время они не теряют свой рациональный, вычислительный и адекватный аспекты.

Примечания

1. См.: *Dialectique et sociologie*. P. 189-220.
2. См. по поводу «абстрактного культурализма» мои полемические замечания в: *Traité de sociologie*. Vol. I. Ch. I. P.7-8. *La vocation...* P. 50, etc. В качестве представителей «абстрактного культурализма» можно назвать немецких теоретиков — от Рудольфа Штаммлера до Макса Вебера — и в особенности американских этнологов и социологов с их «культурной антропологией». Среди американских социологов Толкотт Парсонс — это воплощение склероза американской социологической теории — заслуживает специального упоминания как поразительный пример пустоты, к которой ведет «абстрактный культурализм».
3. См. более детальный анализ в: *La vocation...* Vol. I. P. 116-245, особенно P. 143-178.
4. О различении *пассивной социальности* и *активной социальности* см.: *La vocation...* Vol. I. P. 178-186.
5. Ошибка, которую мы отмечаем и которая является весьма распространенной, проистекает прежде всего из словаря. «Сообщество» (*communaute*) напоминает «коммуну» («*commune*») как локальную группу малого масштаба или же наоборот «национальную общность» и даже международные сообщества, например, «Сообщество Французского союза» («*La Communauté de l'Union française*») или «Объединение угля и стали» («*Communauté Charbon-Acier*»), близкое к «Общему рынку». Очевидно, что в последних случаях речь идет о макросоциальных единицах, таких как нация, т.е. о «глобальных обществах» в нашей терминологии, или же об еще более обширных единицах, которые хотят создать. Все это не имеет никакого отношения к «сообществу» в качестве средней степени интенсивности «Мы», рассматриваемому как микросоциальный элемент, который может актуализироваться в любой группе. Тем не менее, термин «Community» породил настоящую эпидемию в американской социологии. В работах Р.М. Макайвера, начиная с его книги «Community», содержится явное смешение, с одной стороны, локальных групп различных масштабов, с другой, — социальности как «соглашений» («*ententes*»), превосходящих простые «отношения с Другим» (т.е., чего-то вроде «*Gemeinschaft*» Тённиса, противостоящего «*Gesellschaft*», но частично освобожденного от его полуинстинктивного, полумистического характера). На этой путаной и неопределенной основе была создана целая серия работ американских социологов, среди которых: *McKenzie R.D. The Metropolitan Community* (1937); *Sanderson D. The Rural Community* (1938); *Zimmerman C. The Changing Community* (1938); наконец, *Warner W.L., Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community* (1941). Мы приводим эти работы лишь для того, чтобы отметить, что наша концепция сообщества («*communaute*») как микросоциального элемента не имеет ничего общего с «Community Studies» на американский манер, в которых «термин «сообщество» употребляется для обозначения самых разнородных групп» (*Sorokin P. Society, Culture and Personality*, 1947. P. 242-243). Как говорит другой американский автор: «Сообщество остается (в Соединенных Штатах) одним из наиболее расплывчатых социологических понятий» (*Wilson L. Sociographie des groupements // La sociologie au XX-me siecle. Sous la dir. de G. Gurvitch. Vol. I. P., 1947. P.109*).
6. Метэк (греч. Μέτοκος) — название для чужезмцев, поселявшихся на продолжительное время или навсегда, применялось в греческой Аттике. Кроме иностранцев (в обязательном порядке), в класс метэков попадали отпущенные на волю рабы. Метэки были лично свободны, но не были гражданами и не пользовались их правами. — *Прим. перев.*
7. В качестве исключения можно назвать секту «квакеров», верящих в общину, создаваемую «молча-нием».
8. См.: *La vocation...* Vol. I. P. 305 и, шире, Гл. V. С. 284-357.

9. См.: La vocation... Vol. I. P. 308-357.

10. Выражение «семья-домохозяйство» («famille-ménage») было бы в научном отношении более точным. Тем не менее, в этой главе, в которой мы рассматриваем современную семью, например, французскую, мы сочли возможным использовать более ходовой термин «семья».

11. Аксьон франсез — фашистская националистическая организация, существовавшая во Франции во второй период Третьей республики. — *Прим. перев.*

12. См.: Enquête sociologique sur la connaissance d'Autrui. Этот опрос был осуществлен под нашим руководством Ж. Казневом, П.-А. Мокором, А. Мемми (Cahiers internationaux de sociologie, 1960. Vol. XXIX, особенно С. 151-153).

13. Несмотря на значительный объем научной литературы, весьма неравного качества, посвященной «индустриальной социологии», этот аспект «новой отрасли» социологии никогда глубоко не изучался. Дело в том, что ее американские представители и их французские поклонники (последние слишком склонны подражать первым) заняты исключительно демонстрацией того, что конфликты, происходящие при капиталистическом строе на заводах и в мастерских, разрешаются сами собой благодаря... мудрой политике предпринимателей, улучшающих условия труда. См. опровержение этой точки зрения в работе: *Touraine A. De l'ambiguïté de la sociologie industrielle américaine // Cahiers internationaux de sociologie. Vol. XII. 1952.* Но нигде и никем проблема завода как *социальной рамки познания* еще не была поставлена.

Пер. с франц. А.Б. Гофмана

ГАЭТАНО МОСКА

ПОСТОЯННЫЕ АРМИИ*

I. Военные функции в примитивных цивилизациях. — II. Бюрократическое государство, наемные и постоянные армии. — III. Типичное политическое превосходство военного элемента. — IV. Причины, по которым в странах европейской цивилизации это превосходство было ограничено, а потом и упразднено. — V. Практическое значение современной гражданской милиции. — VI. Классовые различия между рядовым составом и офицерами во многих постоянных армиях. — VII. Суждения и предрассудки об особых военных наклонностях у разных народов. — VIII. Постоянные армии, война и будущее европейской цивилизации.

I. В первобытных или варварских странах (paesi selvaggi o molto barbari), где экономика является весьма примитивной, а войны происходят часто, все взрослые мужчины являются солдатами. Примитивные общества, в которых преобладает кочевое скотоводство и в которых земледелие и ремесло находятся в эмбриональном состоянии, никогда не были развиты настолько, чтобы полностью поглотить всю человеческую деятельность, и потому у их членов всегда остается достаточно много времени и энергии для дерзких набегов (scorrerie avventurose), которые являются делом не

Гофман Александр Бенционович — доктор социологических наук, профессор, профессор социологического факультета Государственного университета — Высшая школа экономики (Москва). E-mail: a-gofman@yandex.ru.

---

* Перевод сделан по изданию: *Mosca G. Elementi di scienza politica. Seconda edizione con una seconda parte inedita. Fratelli Bocca Editori. Vol. I. Torino, 1923. P. 226-246.* Данный текст является девятой главой первого тома главного произведения итальянского мыслителя.